

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-214-218
УДК 894.22

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ МОТИВА ОХОТЫ В БАШКИРСКОМ ЭПОСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «УРАЛ-БАТЫР», «АКБУЗАТ», «ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ»)

© Нэркэс Хуббитдинова

THE ARTISTIC FUNCTION OF THE HUNTING MOTIF IN BASHKIR EPIC (BASED ON “URAL-BATYR”, “AKBUZAT”, “ZAYATULYAK AND KHYUHLYU”)

Narkas Khubbitdinova

Hunting has always been an important craft in the life of our ancestors, as the quality of human nutrition, their lives and activities, depended on the skill and accuracy shown during the hunt. The ancient epic is the source that gives an idea of this craft in terms of its ideological, artistic and aesthetic perception. The varieties of its functions are found in different epics, depending on the period of their creation by the sesens-storytellers. Thus, in the archaic epic “Ural-Batyr” a more ancient form of hunting is represented, when, instead of tools and hunting tackle, the heroes used land predatory animals for amphibians and predatory fish for underwater animals. In the epic “Ak buzat”, the hunt takes on more distinct outlines, and the heroes use a flintlock. In “Zayatulyak and Khyukhylyu”, this craft is perceived as a ritual of initiation and entertainment for young heroes. In all cases, it performs an important plot-forming, artistic and aesthetic function: the heroes find their personal happiness by marrying girls whom they met in the course of hunting.

Keywords: epic, hunting motif, plot-forming motif, artistic function.

Охота всегда являлась важным ремеслом в жизни наших предков, потому что от мастерства и меткости, проявленных во время охоты, зависело качество питания человека и в конечном счете его существование. Древний эпос является тем источником, который дает представление об этом ремесле в его идейно-художественном, эстетическом прочтении. В различных эпосах в зависимости от периода их создания сэсэнами-сказителями мотив охоты предстает по-разному. Так, в архаическом эпосе «Урал-батыр» репрезентируется более древняя форма бытования охоты, когда вместо орудий, охотничьих снастей героями использовались сухопутные хищные звери для земноводных и хищные рыбы для подводной живности. А в эпосе «Акбузат» охота принимает более четкие очертания, и герои используют кремневку. В «Заятуляк и Хыухылу» данное ремесло воспринимается как ритуал инициации и развлечения для юных героев. Во всех случаях оно выполняет важную сюжетообразующую, художественно-эстетическую функцию: герои находят свое личное счастье, женившись на девушках, которых встретили во время охоты.

Ключевые слова: эпос, мотив охоты, сюжетообразующий мотив, художественная функция.

При рассмотрении мотива охоты в башкирском народном эпосе мы придерживались идеи семантической целостности мотива по А. Н. Веселовскому [Веселовский, с. 301] и О. М. Фрейденбергу [Фрейденберг, с. 222], а также концепции Б. Н. Путилова «мотив как сюжетообразующий элемент» [Путилов, с. 141–155]. В области мотивного строя, системы образов в тюркском эпосе известны труды В. М. Жирмунского [Жирмунский, с. 34–54], С. С. Суразакова [Суразаков, с. 97], Ф. И. Урманче [Урманче, с. 51], М. М. Сагитова [Сагитов, с. 25–65], А. М. Су-

лейманова [Сулейманов, с. 9–15], Г. В. Юлдыбаевой [Юлдыбаева, с. 66–79] и др.

В целом все высказывания, результаты изысканий и эксперименты этих (как, впрочем, и других) исследователей относительно теории мотива, его идейно-художественного своеобразия в основе своей дополняют друг друга, и хотя в какие-то моменты мнения ученых расходятся, но все они служат общему делу – разностороннему изучению мотива как части одного целого, его сюжетообразующей функции. Во избежание возможной путаницы, когда понятие «мотив» подменяется такими понятиями, как «идея», «те-

ма» или «обусловленность действия», в данном исследовании в качестве рабочего применен термин «тематический мотив» (либо «фольклорный мотив») в значении «минисюжета» [Хубитдинова, с. 16].

В статье на примере мотива охоты раскрывается художественно-эстетическое своеобразие произведений башкирского народного эпоса «Урал-батыр», «Акбузат», которые в основе своей вместе с другими эпосами – «Идель и Яик», «Царь Шлугген и Минэй-батыр», «Заятуляк и Хыухылу» – составляют цикл, логически дополняют друг друга. Именно охота как вид ремесла, источник пропитания, а также важная составляющая обряда инициации нашла своеобразное художественное воплощение в эпосе, а в идейно-художественном отношении наделяется функционированием фольклорным или тематическим мотивом, что позволяет ему порождать и развивать эпический сюжет в динамике: во время охоты герой встречает свою суженую – будущую невесту. Подобным образом находят свое счастье, например, герои башкирских народных сказок «Охотник Нурьян», «Девушка-сирота и мулла» и др.

Если в давние времена, в период разложения первобытнообщинного строя, охота на диких зверей являлась основным способом добычи пищи (наиболее подробно это отразилось в эпосе «Урал-батыр»), то позже с изменением жизненных ценностей архетипическая охота осложняется новыми культурными наслоениями, приобретающая ритуальную значимость.

В башкирском народном архаическом эпосе «Урал-батыр» описывается очень древний способ охоты героев на диких зверей. В эпосе в самом начале так повествуется о жизни героев:

«В стародавние времена Там, где не было ни души, Где не ступала человеческая нога – Что в тех краях суша есть, Никто не знал – С четырех сторон окруженное морем Было место одно, говорят, Прежде там жил, говорят, Старик по имени Янбирде Со старухой по имени Янбике... – и родились у них двое сыновей, старший Шульген и младший Урал» [Башкирский народный эпос, с. 265].	«Борон-борон борондан, Кеше-мазар килмәгән, Килеп аяк басмаған, Ул тирәлә коро ер Барлығын хис кем белмәгән, Дүрт яғын диңгез ураткан Булған, ти, бер урын. Унда булған, ти, борон Йәнбирзе тигән крт менән Йәнбикә тигән бер карсык... Ике улы булып киткән, ти, – Шүлгән булған олоһо, Урал булған кесеһе...» [Там же, с. 55]
--	--

Также описывается образ жизни героев. У них не было хозяйства, домашней утвари, они не знали огня, а потому не разводили его и не вешали казан для приготовления пищи. Они питались тем, что ловили во время охоты, поедали, разделив на части тушки зверей и птиц.

Интерес вызывает картина похода героев на охоту, способа добычи дичи:

«...На охоту не выезжали на коне, Не брали в руки лука и стрел, Держали как равных при себе Льва для езды верховой, Щуку, чтобы рыбу ловить, Сокола, чтобы на птиц выпускать, Пиявку – кровь сосать» [Там же, с. 266].	«...Һунарза ат менмәгән, Кулға һазак тотмаған; Менеренә – арысланды, Балыгына – суртанды, Кошка сөйгән шоңкарзы, Кан һуырға һөлөктө Үз иштәре яһаған» [Там же, с. 56].
---	---

Как видим, в эпосе «Урал-батыр» изображается древний, первобытнообщинный строй, сопряженный фантастическими элементами, когда герои на охоте не пользовались каким-либо оружием, инструментом для охоты, для этого они «привлекали» животных и зверей, которые ловили подобных себе для пропитания своих хозяев. Картина охоты не только дает какую-то информацию о жизни и быте героев эпоса: в художественном отношении данное ремесло выполняет функцию сюжетобразующего мотива. Потому что именно во время охоты в руки героев попадает необычная птица, побег которой из неволи способствует дальнейшему развитию сюжета.

Из монолога лебедя мы узнаем, что это не обычная земная птица, это дочь небесного царя-птицы Самрау-падишаха и Солнца, по имени Хумай. Свою речь Хумай завершает тем, что если люди сохраняют ей жизнь, то обещает показать им путь к Живому роднику – Йәншишмә.

Во все времена людей волновали вопросы жизни и смерти, особенно когда человеческая жизнь зависела от природы и окружающего мира. Постигание идеи бессмертия была поэтому не менее актуальной. Прав известный татарский исследователь Ф. И. Урманче, когда пишет, «что идея поисков бессмертия проходит через целый ряд великих сказаний древности. Изначально эта идея, по всей видимости, не религиозная, а сказочно-мифологическая. Именно поэтому она проходит красной нитью через сказки всех народов мира и, безусловно, становится универсальной; говоря иначе, очень удобной для преодоления людьми страха смерти» [Урманче, с. 51]. Та-

ковой она была и в башкирском архаическом эпосе «Урал-батыр», где мотив поиска Живой воды, дарующей бессмертие, описывается подробно и красочно. Однако юный Урал, не знающий Смерти, не боялся ее, готов был встретиться с нею с глазу на глаз. И эта важная идея возникает именно в результате охоты: он вознамерился найти саму Смерть, чтобы покончить с ней. Урал со своим братом Шульгеном решает также найти Живой Родник, чтобы приобрести бессмертие, избавиться от смерти. Следовательно, именно охота, во время которой и произошла поимка необычной птицы, подводит к тайне, открытой ею, и ее побег в идейно-художественном смысле в эпосе обретает функцию мотива, дающего динамику в развитии основного сюжета: мотив «охоты» порождает тематический мотив «поиска живой воды или исцеляющего средства».

Позже, как было уже сказано, с изменением общественного строя, охота, оставаясь важным ремеслом для людей того времени, становится более совершенной. Теперь для охоты на диких зверей люди используют ружье, пусть примитивное, кремневое. Например, таковым является ружье в башкирском народном эпосе «Акбузат»:

«<...> год от году, день ото дня рос Хаубан. Исполнилось ему семнадцать или восемнадцать лет. Начал он охотиться с кремневкой. Как-то однажды шел он по берегу озера и увидел: плавают золотая утка. Недолго думая, он прицелился и подстрелил ее <...>» [Башкирский..., с. 374].

Затем выясняется, что это не обычная утка, а дочь царя озера Шульген-падишаха в облике птицы:

«– Егет, подстрелена тобой дичь – Не утка. Знай! На озере плаваю, резвлюсь, Славного падишаха Шульгена Я любимая дочь... Что потребуешь, то и дам, Добро пожелаю тебе, Скота захочешь, больше стада – Все тебе дам» [Там же, с. 375].	«– Егет, аткан һунарын Өйрәк түгел, белһән һин, Күлдә йөзөп уйнаған, Данлы Шүлгән батшаның Йәндәй к-ргән кызы мин... Ни һораһаң, бирәйем, Изге теләк теләйем, Өйөр-өйөр мал тиһән, Барын һиңә бирәйем» [Там же, с. 154].
--	--

Обещая несметное богатство, дева-утка запретила Хаубану оборачиваться назад, когда будет отходить от озера, с тем чтобы он не вспугнул удачу – крылатого скакуна Акбузата, «покровителя всего скота», выходящего из дна озера.

Встреча с мифической девой вод Наркас меняет первоначальное представление об охоте как способе добывания пищи: теперь охота приобретает ценностное значение, так как вчерашний сирота обретает богатство и прекрасную жену. Мотив охоты в этом случае способствует развитию основного сюжета эпоса, заключающегося в обретении героем счастья не только для себя, но и для других. Однако Хаубан не сразу достигает своей цели, потому что из-за своей оплошности он не смог сразу приобрести богатство, которое сулила ему дева-утка:

«<...> Выслушав утку, Хаубан поверил ей и отпустил <...> Потом вдруг подул ветер, буря поднялась. Хаубану трудно стало идти. Растерялся он, не знал, что и делать. Наконец не выдержал – оглянулся назад. Посмотрел – глазам своим не поверил: из озера выходили стада, покрывая всю землю. <...> Как только заметил Акбузат, что Хаубан обернулся, снова скрылся в воде. Животные <...> все до единого тут же нырнули за Акбузатом в озеро, говорят» [Там же, с. 379].

В данном случае срабатывает программа «запрет» – «нарушение запрета» – «наказание», и герою приходится пуститься на поиски (как в знак наказания для него), чтобы обрести утраченное. Следовательно, тематический мотив «охоты» порождает цепь мотивов «запрет» – «нарушение запрета» – «наказание», сопряженную с мотивом «поиска необычной птицы или невесты», «поиска утраченного».

Действительно, после своей ошибки, нарушения запрета герой долго искал волшебную утку. Он раз за разом охотился на нее, не отрывая взгляда от берега озера. В конце концов удача улыбнулась ему, и в одну из ночей он встретил ее вновь. Но теперь это была не утка, а прекрасная девушка. «Красавица облик сменила – Не уткой, а девушкой стала». – «Һылыу төсөн алышкан: Өйрәк түгел, кыз икән...», – так говорится в эпосе. На этот раз егет постарался не упустить свое счастье и уже не выпускал из рук ее волосы, за которые он крепко ухватился.

После долгих разговоров и уговоров Хаубан узнает, что это хыухылу – дочь царя озера Шульген по имени Наркас, и живет она в подводном царстве своего отца, не может долго бывать на поверхности земли. Она о себе так и говорит:

«...Вся я создана из лучей, Не заставляя меня страдать на земле. Не будет равной сыну земли Девушка, созданная из	«...Егет, һиңә тиң булмам, Мине алырға уйлама; Нурзан тыуған токоммон, Ерҙә йөрөтөп хурлама. Ер улына тиң булмаҫ Нурзан тыуған кыз-бала»; [Там же, с. 171]
---	--

лучей;
Девушкам, выросшим во
дворцах,
Не пристало жить в
степи...»
[Там же, с. 382]

Несмотря ни на что, егет, настояв на своем, все же спускается за ней на дно озера, где узнает много нового о своей собственной жизни (он вырос сиротой и ничего не знал о своих родителях), и, вернувшись на землю, начинает распутывать клубок тайны, которой связаны многие персонажи и герои, мстит своим врагам, погубившим его родных.

Надо отметить, что герои эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат» выступают батырами, которые закалились во время охоты на диких животных и птиц, обрели меткость и ловкость. Другими словами, они как бы прошли некие уроки жизни, или инициацию, вступили в зрелую жизнь. Теперь они в ответе уже не только за самого себя, но и за всех людей и за родную страну – иль. Впоследствии они изображаются такими же ловкими и отважными героями-батырами. Таким героем выступает и Заятуляк из эпоса «Заятуляк и Хыухылу».

В большинстве случаев отношение к сакрально значимой функциональности животных со временем неизбежно меняется (например, ритуальность удачной охоты на медведя у хантов, которые устраивали праздники: позже, с утратой магической семантики обрядов, это стало «национальным традиционным развлечением»), так и охота в эпосе не всегда предстает лишь как способ пропитания и выживания [Слепцов, с. 145]. Она также может изображаться как вид развлечения, забавы, потехи, где герой – егет – закаляется, мужает, развивает в себе качества воина. В конечном счете охота, как было сказано, становится способом прохождения обряда инициации. Таким эпосом в башкирском народном творчестве является «Заятуляк и Хыухылу». В нем герой проходит все этапы соревнований со своими сводными братьями, становясь лучшим в меткости, скорости и удачливости во всех видах охоты. Другими словами, успешно проходит обряд инициации. Сперва Заятуляк со своими братьями выпустил на охоту своих соколов, которые должны были сбить много дичи:

«Шесть сыновей Самар-
хана
Мышей, сусликов
поймали, говорят;
Сын же по имени
Заятуляк

«Сәмәр хандың алты улы
Сыскан, йомран алды, ти;
Заятүләк атлы улы
Каңғылдатып каз алды,
ти,
Торколдатып торна алды,

Гогочущих гусей поймал, ти,
говорят, Быткылдатып һуна алды,
Курлычущих журавлей ти» [Там же, с. 207].
поймал, говорят,
Лопочущих перепелок
поймал, говорят»
[Башкирский..., с. 419].

Затем ловчих птиц запустили на диких зверей, и тут Заятуляк одержал верх, изловив при помощи своей охотничьей птицы волка, медведя, лису.

Именно эта удача Заятуляка и вызвала со стороны шестерых братьев зависть и злобу к нему. Спасаясь от преследования, он встретил свою будущую невесту – красавицу Хыухылу, русалку, дочь царя озера Асылы-куль:

«...Тут он заметил на берегу у воды отблеск каких-то лучей. Удивился Заятуляк и стал осторожно приближаться к тому месту, где сверкали лучи. И что же он видит: на берегу, на плоском камне, сидит водяная девушка и, распустив косы, расчесывает золотым гребнем черные волосы...» [Там же, с. 420–421].

Он, как и Хаубан, ухватился за ее длинные косы и, не обращая внимания на ее мольбы о спасении и милости, добился ее расположения. Егет так был влюблен в Хыухылу, что готов был спуститься за ней на дно озера и остаться там навечно, жертвуя при этом своими родными – матерью и отцом, лишь бы быть рядом с любимой.

Как видим, именно удача и удасть, продемонстрированная героем во время охоты и породившая зависть и ненависть соперников, привели его на берег озера, где он встретил свою суженую. Эпический сюжет с этого момента обретает новый виток в своем развитии, что вскоре приводит к развязке конфликта.

Таким образом, в раннюю пору охота является способом пропитания, но позже она приобретает материальную окраску, становится средством и видом развлечения в виде обряда перехода юноши-егета во взрослую жизнь. Кроме этого, мотив охоты дает толчок активному развитию основного сюжета эпоса. Если в архаическом эпосе «Урал-батыр» герои во время охоты пользовались не орудием, а применяли для этого силу и ловкость более сильных зверей, то в эпосе «Акбузат» мы уже наблюдаем наличие ружья – кремневки, а герои эпоса «Заятуляк и Хыу-хылу» используют лук и стрелы. Но в художественно-эстетическом отношении мотив охоты наделяется эпической функциональностью, которая выполняет важное идейно-художественное значение в образовании новых мотивов и развитии основного сюжета эпоса. При этом может услож-

няться и цепочка мотивов: в эпосе «Урал-батыр» мотив охоты порождает мотив поиска живой воды или исцеляющего средства, а в «Акбузате» – «запрет» – «нарушение запрета» – «наказание» вкупе с мотивом поиска необычной птицы или невесты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АН РБ в рамках проекта № 19-412-020008 «Архаический эпос башкирского народа: художественно-стилистический аспект (эпосы „Урал-батыр“, „Акбузат“, „Заятуляк и Хыухылу“)».

Список литературы

Башкирский народный эпос: Эпос народов СССР. М.: Наука, 1977. 519 с.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.

Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.

Сагитов М. М. Мифологические и исторические основы башкирского народного эпоса. Уфа: Китап, 2009. 280 с.

Слепцов Ю. А. Культ медведя среди эвенов Якутии и Камчатки // Филология и человек. № 2. № 2014. С. 145–150.

Сулейманов А. М. Потомки Урал-батыра. Уфа: БГПУ, 2016.

Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 255 с.

Урманче Ф. И. Тюркский героический эпос (Сравнительно-исторические очерки). Казань: ИЯЛИ, 2018. 448 с.

Фрейденберг О. М. Система литературного сюжета // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. М.: Наука, 1988. С. 216–237.

Хуббитдинова Н. А. Фольклор в башкирской литературе: художественно-эстетический аспект (XIII – нач. XX века). Уфа: Гилем, 2016. 274 с.

Юлдыбаева Г. В. Сюжет и стиль эпоса «Урал-батыр». Уфа: Гилем, 2007. 140 с.

References

Bashkirskii narodnyi epos: Epos narodov SSSR (1977) [Bashkir Folk Epic: The Epic of the Peoples of the USSR]. 519 p. Moscow, Nauka. (In Russian, in Bashkir)

Freidenberg, O. M. (1988). *Sistema literaturnogo siuzheta* [The System of a Literary Plot]. Montazh: Literatura. Iskustvo. Teatr. Kino. Pp. 216–237. Moscow, Nauka. (In Russian)

Iuldybaeva, G. V. (2007). *Syuzhet i stil' eposa "Ural-batyr"* [The Plot and Style of the Ural-Batyr Epic]. 140 p. Ufa, Gilem. (In Bashkir)

Khubbitdinova, N. A. (2016). *Fol'klor v bashkirskoj literature: hudozhestvenno-esteticheskij aspekt (XIII – nach. XX veka)* [Folklore in Bashkir Literature: Artistic and Aesthetic Aspect (the 13th - early 20th centuries)]. 274 p. Ufa, Gilem. (In Russian)

Putilov, B. N. (2003). *Fol'klor i narodnaia kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. 464 p. Saint Petersburg, Petersburg Oriental Studies. (In Russian)

Sagitov, M. M. (2009). *Mifologicheskie i istoricheskie osnovy bashkirskogo narodnogo epasa* [Mythological and Historical Foundations of the Bashkir Folk Epic]. 280 p. Ufa, Kitap. (In Bashkir)

Sleptsov, Yu. A. (2014). *Kul't medvedya sredi evenov Yakutii i Kamchatki* [Bear Cult among the Evens of Yakutia and Kamchatka]. *Filologiya i chelovek*. No. 2, pp. 145–150. (In Russian)

Suleimanov, A. M. (2016). *Potomki Ural-batyr* [Descendants of the Ural-Batyr]. Ufa, BGPU. (In Bashkir)

Surazakov, S. S. (1985). *Altaiskii geroicheskii epos* [Altai Heroic Epic]. 255 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Uрманче, F. I. (2018). *Tiurkskii geroicheskii epos (Sravnitel'no-istoricheskie ocherki)* [Turkic Heroic Epic (Comparative Historical Sketches)]. 448 p. Kazan', IYALI. (In Russian)

Veselovskii, A. N. (1989). *Istoricheskaia poetika* [Historical Poetics]. 648 p. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук,
450054, Россия, Уфа,
Пр. Октября, 71.
narkas08@mail.ru

Khubbitdinova Narkas Ahmetovna,
Doctor of Philology,
Chief Researcher,
Institute of History, Language and Literature,
the Ufa Federal Research Center,
the Russian Academy of Sciences,

71 October Prospect,
Ufa, 450054, Russian Federation.
narkas08@mail.ru